

ГЕНЕРАЛЬ КОТЛЯРЕВСКІЙ.

5-го іюля 1870 года Θεодосія была свідѣтельницею торжества, выходящаго изъ ряда событій обыденной жизни этого небольшого города, торжества, которое составитъ эпоху въ его исторіи и долго будетъ памятно его жителямъ. Въ этотъ день положено было основаніе часовни въ память одного изъ храбрыхъ героевъ Кавказа, генерала-отъ-инфантеріи Петра Степановича Котляревскаго.

Петръ Степановичъ Котляревскій занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи покоренія Кавказа. Въ свое время, въ началѣ текущаго столѣтія, онъ лично, неустрасливою храбростію оказалъ важныя услуги отечеству во время войны съ Персіей, взялъ нѣсколько неприступныхъ крѣпостей, въ числѣ ихъ Ленкорань, и своимъ мужествомъ и самоотверженіемъ много способствовалъ упреchenію русскаго владычества на Кавказѣ. Израненный и изувѣченный, онъ рано оставилъ боевое поприще и затѣмъ тридцать девять лѣтъ жилъ какъ мученикъ, перенося съ христіанскимъ терпѣніемъ тяжкія страданія отъ полученныхъ имъ ранъ. Остатокъ своей страдальческой жизни, послѣднія тринадцать лѣтъ ея, онъ провелъ въ Крыму, на дачѣ близъ Θεодосіи, гдѣ и окончилъ мирно свою семидесятилѣтнюю жизнь 21 октября 1851 года. Мысль увѣковѣчить память этого героя, этого доблестнаго сына Россіи, и увѣковѣчить тамъ, гдѣ покоится прахъ его, принадлежитъ уважаемому еодосійскому гражданину, знаменитому профессору живописи, дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Константиновичу Айвазовскому. Зная хорошо почившаго старца, уважая его заслуги отечеству и желая сохранить воспоминаніе о немъ въ потомствѣ, Иванъ Константиновичъ вознамѣрился увѣнчать память его достойнымъ монументомъ. Благодаря его неутомимому старанію, мысль эта получила осуществленіе: Государь Императоръ соизволилъ дать Высочайшее разрѣшеніе на сооруженіе памятника

генералу Котляревскому. Съ истинно-художественнымъ вкусомъ было избрано мѣсто для памятника на одной изъ возвышенныхъ мѣстностей, господствующихъ надъ Феодосіей, съ которой открывается чудный видъ на городъ и на море, и начертанъ планъ его, по которому онъ будетъ состоять изъ часовни, съ иконою св. апостоловъ Петра и Павла, и музея для феодосійскихъ древностей.

Заложеніе часовни было совершено съ полною торжественностію 5-го іюля прошлаго года. Сначала была отслужена литургія въ феодосійскомъ александро-невскомъ соборѣ, послѣ которой двинулся изъ собора крестный ходъ къ мѣсту предполагаемой часовни, при участіи преосвященнаго и всего феодосійскаго духовенства. Противъ армянской церкви, лежавшей на пути шествія, армяно-григоріанское духовенство Феодосіи встрѣтило крестный ходъ и присоединилось къ шествію. По прибытіи на мѣсто закладки, украшенное зеленью и разноцвѣтными флагами, владыка совершилъ освященіе воды и затѣмъ, подойдя къ восточному углу будущаго зданія, прочиталъ молитву и, съ окропленіемъ святой воды, положилъ въ основаніе его первый краеугольный камень, въ который помѣщена была надпись слѣдующаго содержанія: «Во славу Святыя Единосущныя, Нераздѣлимыя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества, Благочестивѣйшаго Государя Императора Всероссийскаго Александра Николаевича, соизволенія, при святительствѣ преосвященнѣйшаго Гурія, епископа таврическаго и симферопольскаго, усердіемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Константиновича Айвазовскаго, основанъ молитвенный домъ сей въ память объ усопшемъ рабѣ Божіемъ, генералѣ-отъ-инфантеріи Петрѣ Степановичѣ Котляревскомъ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7378-е, отъ Рождества же Бога Слова 1870-е, мѣсяца іюля въ 5-й день». Надпись эта напечатана на пергаментѣ и вложена между двумя толстыми стеклами, герметически спаянными оловомъ, и все это помѣщено въ изсѣченное для сего мѣсто въ камнѣ. Вмѣстѣ съ надписью въ камень положено было довольно много серебряныхъ монетъ, чекана 1870 года.

По положеніи камня, его преосвященство обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью:

«Благоговѣнное уваженіе къ разнообразнымъ доблестямъ и важнымъ государственнымъ заслугамъ генерала-отъ-инфантеріи Петра Степановича Котляревскаго воздвигаетъ здѣсь молитвенный домъ, конечно въ тѣхъ видахъ, чтобы и современники и потомки, взирая на этотъ высоко, въ виду всѣхъ поставленный памятникъ, чаще и

удобнѣ вспоминали о приснопамятномъ рабѣ Божиѣмъ боляринѣ Петрѣ, изучали его жизнь, проникались его духомъ, подражали его вѣрѣ, вѣрности, преданности долгу и главное — молились бы объ немъ. Пастырски радуясь такому христіанскому заявленію чувствъ патріотизма и самоуваженія, съ своей стороны не могу не признать, что, дѣйствительно, *многу славу создалъ намъ Господь* чрезъ этого избранника своего, и что его заслуги государству, даже частная жизнь, стоятъ того, чтобы вспомнить объ нихъ и поучаться. Наблюдательные знаютъ какихъ трудовъ, заботъ и какихъ жертвъ стоило нашему правительству упрочить за собою Грузію, Имеретію и вообще весь Кавказъ съ его мелкими, хищническими племенами. Но этой, важной для насъ, цѣли никакими жертвами мы никогда не достигли бы, еслибъ Петръ Степановичъ Котляревскій въ свое время не отразилъ, не уничтожилъ замысловъ Персіи, Турціи и ихъ дикихъ и циничивованныхъ пособниковъ. Военный геній этого человѣка, его преданность долгу, распорядительность, близкое знакомство съ обычаями и свойствами мѣстныхъ жителей, знаніе края, своихъ и чужихъ средствъ обороны, отеческая заботливость о людяхъ ему вѣрныхъ дѣлали то, что Петръ Степановичъ торжествовалъ надъ всѣми, даже физическими препятствіями, какія противопоставляли ему люди, осенняя и зимняя пора въ горахъ Кавказа. Онъ совершалъ невѣроятные подвиги, бралъ неприступныя крѣпости, а однажды съ горстію храбрецовъ не только противустоялъ, но и разбилъ; уничтожилъ персидскую армію, въ пятнадцать разъ сильнѣйшую его, армію хорошо вооруженную, хорошо обученную, предводимую храбрымъ военачальникомъ и имѣвшую лучшихъ европейскихъ офицеровъ. Въ виду такого ослзательнаго благословенія Божія, кто не скажетъ, что, дѣйствительно, *многу славу создалъ намъ Господь* *его ради!*

«Великій на поприщѣ военномъ, Петръ Степановичъ и въ частной жизни былъ не менѣе великъ и достоинъ удивленія. Его терпѣніе, скромность, признательность, самообладаніе образцовы, достойны подражанія. Изъ многого достаточно указать на одну общую, характерную черту второй половины его жизни. Когда, послѣ восемнадцатилѣтнихъ, почти постоянныхъ походовъ, израненный, исколѣченный Петръ Степановичъ принужденъ былъ оставить службу по невозможности продолжать ее съ пользою, то, живя въ своемъ имѣніи еще тридцать девять лѣтъ, онъ томился подъ гнетомъ мучительныхъ отъ ранъ болѣзней, ни днемъ, ни ночью не дававшихъ ему покоя. И во все это время никто не замѣтилъ въ немъ даже тѣни ропотливаго нетерпѣнія. Столь тяжкій крестъ онъ принялъ и несъ съ истинно-христіанскимъ тер-

пѣніемъ, совершенною преданностію волю Божію. Подвигъ подлинно мученическій! Вѣрный другъ, почительный начальникъ, благоразумный совѣтникъ, предусмотрительный администраторъ, слабыхъ и нуждающихся покровитель и ходатай, нѣжный супругъ, заботливый родственникъ, усердный слуга Царю и Отечеству, преданный волю Божію христіанинъ и до гроба терпѣливый оградадецъ, Петръ Степановичъ всегда пользовался общимъ уваженіемъ, но ни разу не унижился до хвастливаго разсказа о своихъ подвигахъ, дѣйствительно изумительныхъ, никогда не забывалъ оказанныхъ ему благодарній, и неблагодарности боялся, какъ смертнаго грѣха.

«Счастливъ народъ, который умѣетъ воспитать подобную высокую личность! Вдвойнѣ онъ счастливъ, если умѣетъ оцѣнить и поощрить доблесть и заслугу великихъ своихъ дѣятелей! Θεодосіи не судилъ Господь быть воспитательницею генерала Котляревскаго; за то далъ ей другое, не меньшее счастье: Θεодосіа пріютила старца, успокоила послѣдніе страдальческіе годы его жизни. И теперь, за услугу оказанную всей Россіи, она одна, впереди всѣхъ и за всѣхъ, воздвигаетъ памятникъ, воздавая тѣмъ подобающую честь великому человѣку и вѣрному слугѣ отечества.

«О селишь Господь милостиво призрѣлъ на насъ и помогъ намъ за любовь приснопамятнаго раба Божія Петра, за его трудъ и работу о нашей славі и нашемъ покоѣ, воздать ему отъ частаго, любящаго сердца молитвою къ Богу объ упокоеніи души его, и, по мѣрѣ силъ и способностей каждаго изъ насъ, подражать его полезной дѣятельности во славу Божію, честь собственную и пользу всѣмъ намъ дорогого отечества!»

По возглашеніи многолѣтія Государю Императору и всему царствующему дому, святѣйшему синоду и преосвященному Гурію, усердному здателю и его сотрудникамъ и, наконецъ, вѣчной памяти врано-памятному рабу Божію Петру съ его храбрыми сподвижниками, крестный ходъ возвратился въ соборъ.

Въ три часа пополудни, преосвященный Гурій, со старшимъ духовенствомъ, начальникамъ губерніи и почетныя особы города, въ числѣ шестидесяти человѣкъ, собрались въ прекрасномъ домѣ И. К. Айвазовскаго, на берегу моря, гдѣ, въ роскошной столовой, украшенной картинами артиста-хозяина, былъ сервированъ обѣденный столъ. Чтобъ воскресить въ памяти своихъ гостей, знавшихъ почившаго Котляревскаго, свѣтлыя черты его жизни и познакомиться съ ними тѣхъ, кому не суждено было знать его живымъ, предусмотрительный хозяинъ распорядился

дѣлся положить на каждомъ приборѣ біографическій очеркъ генерала Котляревскаго, составленный г-номъ Соханскимъ (*).

ГЕНЕРАЛЪ-ОТЪ-ИНФАНТЕРІИ КОТЛЯРЕВСКІЙ.

(Біографическій очеркъ)

Одинъ изъ замѣчательныхъ героев храбраго кавказскаго войска, одинъ изъ тѣхъ великихъ людей прошлаго, которые будутъ всегда служить образцомъ военныхъ и гражданскихъ доблестей людямъ новаго поколѣнія — Петръ Степановичъ Котляревскій, былъ сынъ скромнаго деревенскаго священника. Онъ родился въ селѣ Ольховаткѣ, Харьковской губерніи, Буляйскаго уѣзда, 12-го іюня 1782 года. Первое образованіе Котляревскій получилъ въ харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ, гдѣ онъ десяти лѣтъ былъ уже въ классѣ риторикки.

Священникъ Стефанъ, счастливый и довольный успѣхами своего сына, никакъ не думалъ, чтобы онъ поступилъ въ военную службу; но неожиданннй случай поставилъ молодого Котляревскаго на тотъ путь, гдѣ онъ, цѣною крови, стяжалъ славу, почести и бессмертіе ния въ рядахъ русскихъ героевъ.

Подполковникъ Лазаревъ, проѣздомъ чрезъ Харьковскую губернію на Донъ, гдѣ стоялъ его полкъ, сбился съ пути, во время мятели, и случайно попалъ въ село Ольховатку, гдѣ былъ принятъ въ домѣ священника. Цѣлую недѣлю продолжались вьюга и непогода: ѣхать далѣе было невозможно; но время летѣло быстро для Лазарева, въ бесѣдахъ съ умными и добрыми сельскими пастыремъ. Молодой Котляревскій, по случаю праздникова, былъ также дома и очень занималъ гостя своими бойкими и умными отвѣтами. Лазаревъ всею душой полюбилъ своихъ хозяевъ и, чтобы отплатить священнику за его гостепримство, просилъ его поручить ему сына, обѣщая заняться воспитаніемъ мальчика и устроить его будущность. Отецъ Стефанъ сначала колебался, но потомъ согласился на предложеніе Лазарева, обѣщая отпустить сына по первому требованію. Годъ черезъ полтора, именно въ маѣ 1793 года, явился въ домъ отца Стефана сержантъ и потребовалъ фурьера Котляревскаго на службу.

Молодой Котляревскій отправился въ штабъ-квартиру баталіона въ г. Моздокъ, гдѣ онъ въ первый разъ познакомился съ солдат-

(*) Основаніемъ для этого біографическаго очерка, который помещенъ ниже, служилъ брошюра грава Сологуба „Воспоминанія генерала Котляревскаго“. Ред.

скимъ бытомъ. Судьба устроила такъ, что будущій герой Кавказа вступилъ на службу въ тотъ самый корпусъ, который былъ сформированъ безсмертнымъ Суворовымъ. Лазаревъ честно исполнилъ слово, данное имъ отцу Стефану: онъ принялъ мальчика къ себѣ въ домъ, наблюдалъ за его образованіемъ и, въ особенности, заставлялъ его заниматься военными науками и исторіей.

Котляревскій былъ произведенъ въ сержанты въ 1796 году, когда открылась война между Россіей и Персіей. Русскими войсками командовалъ на Кавказѣ графъ Зубовъ. Отрядъ, подъ начальствомъ генерала Булакова, долженъ былъ пройти чрезъ непреступныя табасаранскія ущелья и приблизиться къ крѣпости Дербенту; полковникъ Лазаревъ командовалъ четвертымъ баталіономъ Кубанскаго полка, который находился въ отрядѣ, и 14-лѣтній сержантъ Котляревскій шелъ, съ ружьемъ на плечѣ, въ рядахъ его. Здѣсь въ первый разъ онъ услышалъ свистъ вражескихъ пуль, съ которыми такъ сроднился впоследствии. Онъ участвовалъ въ осадѣ крѣпости и одинъ изъ первыхъ влѣзъ на стѣны, при взятіи ея. Вскорѣ послѣ того, въ отрядѣ генерала Кюрасова, Котляревскій дошелъ до Ганжи. Ханъ ганжинскій, какъ и многіе другіе ханы, союзни Персіи, сдались русскому оружію, и властелинъ Персіи, Ага-Магомедъ Ханъ, уже со страхомъ ожидалъ вторженія русскихъ войскъ въ его предѣлы, какъ вдругъ получено было извѣстіе о кончинѣ императрицы и, вѣстѣ съ тѣмъ, приказаніе прекратить военныя дѣйствія, войскамъ возвратиться въ свои предѣлы, а графу Зубову сдать начальство начальнику кавказской линіи, графу Гудовичу. За эту экспедицію сержантъ Котляревскій былъ представленъ къ офицерскому чину, но въ Петербургѣ всѣ представленія графа Зубова остались безъ утверженія, и лишь въ 1799 году Котляревскій былъ произведенъ въ подпоручики.

Всѣмъ затѣмъ полковникъ Лазаревъ назначенъ былъ командиромъ 17-го егерскаго полка и взялъ къ себѣ хотя юнаго, но уже испытаннаго въ бою, подпоручика Котляревскаго въ адъютанты.

Съ этимъ назначеніемъ начинается новая эпоха въ жизни Котляревскаго. Ему тогда было 17 лѣтъ; жизнь его съ того времени была непрерывною цѣпью битвъ и событій, въ которыхъ выказывался его свѣтлый умъ, твердый характеръ, геройская храбрость и всецѣльная преданность долгу.

Грузія, нѣкогда сильное и славное государство, ивнемогала тогда отъ внутреннихъ безпорядковъ и отъ нападенія вѣншихъ враговъ; вторженіе персидскаго войска въ Тифлисъ было послѣднимъ страшнымъ ударомъ для этой страны. Обезсиленная, истощенная,

она не была въ состояніи защитить себя отъ грознаго врага, и царь Грузіи, Георгій XIII, вынужденъ былъ обратиться къ императору Павлу I, прося его помощи. Просьба его была исполнена: 17-й егерскій полкъ, при четырехъ орудіяхъ, получилъ приказаніе, прямо черезъ горы поспѣшно идти въ Грузію. Отрядъ выступилъ въ походъ въ ноябрѣ; въ горахъ господствовали холодъ и мятели, и, несмотря на то, что не было ни дорогъ, ни просѣкъ, отрядъ вынесъ всѣ ужасы кавказской природы и 26-го ноября 1799 года вступилъ въ Тифлисъ. Русское войско было встрѣчено съ колокольнымъ звономъ и пушечной пальбой. Съ тѣхъ поръ русскіе не оставляли болѣе Грузіи. Генералъ Лазаревъ, какъ военный начальникъ, отвѣчалъ за спокойствіе и безопасность города и края; ему очень часто приходилось вести секретныя переговоры съ царемъ Георгіемъ и большою частію онъ употреблялъ, для личныхъ объясненій съ царемъ, своего адъютанта Котляревскаго. Это доказываетъ, какъ высоко стоялъ уже 17-лѣтній юноша во мнѣніи своего начальника. Въ тифлисекихъ архивахъ сохранилось много бумагъ, относящихся къ этой эпохѣ, писанныхъ бойкою рукою Котляревскаго. Между тѣмъ, 20,000 лезгиновъ вторгнулись въ Кахетію, и сыновья царя Георгія XIII выступили на встрѣчу имъ съ 10,000 грузиновъ; Лазаревъ, съ двумя баталіонами и артилеріею, поспѣшилъ на помощь и соединился съ царевичами въ крѣпости Сигнахѣ. Котляревскій оказалъ тутъ большую услугу. Лезгины были въ 15 верстахъ; Котляревскій, съ десятию казаками, отправился въ ущелья горъ слѣдить за движеніями непріятелей, и, по его донесеніямъ, Лазаревъ двинулъ оба баталіона къ рѣкѣ Іорѣ, гдѣ находился непріятель. Завязался бой; пушечныя выстрѣлы заставили лезгинскую конницу отступить; генералъ-маіоръ Гуляковъ началъ на лезгинскую пѣхоту; сраженіе продолжалось три часа и кончилось совершеннымъ пораженіемъ непріятеля. За это сраженіе Котляревскій получалъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго и произведенъ въ штабсъ-капитаны. Въ то время царь Георгій XIII былъ при смерти и, умирая, просилъ императора Павла I принять Грузію въ русское подданство.

Въ 1801 году былъ обнародованъ высочайшій указъ о присоединеніи грузинскаго царства въ русскую имперію. Когда это извѣстіе достигло Грузіи, многія татарскія поселенія бѣжали къ эриванскому хану, вслѣдствіе чего Лазареву дано было приказаніе выступить на границу и возвратить бѣжавшихъ татаръ, которыхъ оберегалъ персидскій отрядъ. Между русскими и персіанцами завязалось незначительное по сущности, но очень важное по послѣдствіямъ дѣло:

эта стычка считается началомъ войны, которая продолжалась двѣнадцать лѣтъ и въ которой Котляревскій участвовалъ съ начала до конца.

На мѣсто генерала Бюринга, командовавшаго русскими войсками, былъ назначенъ князь Циціановъ. Пріѣхавъ въ Грузію и видя всѣ внутренніе безпорядки, онъ, для водворенія спокойствія, считалъ необходимыми удалить изъ края всѣхъ членовъ грузинской царской фамиліи, и потому уговорилъ ихъ переселиться на жительство въ Россію. Многие изъ нихъ воспротивились этой мѣрѣ, вслѣдствіе чего произошли смуты, причемъ храбрый Лазаревъ палъ жертвою азіатской мести: онъ былъ предательски зарѣзанъ во дворцѣ одной изъ царицъ грузинскихъ, когда требовалъ немедленнаго ея выѣзда изъ Тифлиса. Такъ Котляревскій лишился своего покровителя и друга, и несмотря на то, что князь Циціановъ предложилъ ему поступить къ нему въ адъютанты, Котляревскій отказался, желая служить въ строю, гдѣ, съ производствомъ въ капитаны, онъ назначенъ былъ ротнымъ командиромъ въ томъ же егерскомъ полку.

Русскія войска не знали отдыха; едва кончалась одна экспедиція, какъ получалось приказаніе снова выступить для усмиренія бунтующихъ кавказскихъ племенъ. Такъ, ганжинскій ханъ, покоренный генераломъ Корсаковымъ, измѣнилъ Россіи, и князь Циціановъ долженъ былъ двинуться къ Ганжѣ для осады города. Котляревскій и въ этотъ разъ былъ первымъ на стѣнахъ крѣпости, на которую вѣлъ безъ лѣстницы. Раненый пулею въ ногу, онъ не могъ идти далѣе, такъ что поручикъ графъ М. С. Воронцовъ (будущій фельдмаршалъ и наѣстникъ) и егеръ Богатыревъ, тутъ же убитый пулею въ сердце, должны были поддержать его. Тѣмъ не менѣе Ганжа не выдержала осады: городъ былъ взятъ, самъ ханъ убитъ, и Ганжа переименована въ Елисаветполь. За это дѣло Котляревскій получилъ орденъ св. Анны 3 степени и произведенъ въ майоры.

Вскорѣ послѣ взятія Ганжи, Мингрелія и Имеретія приняли подданство Россіи; многія ханства также просили покровительства русскихъ и защиты отъ нападенія и вліянія персіянъ. По этому случаю князь Циціановъ отрядилъ команды въ карабахское и нухинское ханства, для охраненія ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, для удержанія ихъ въ зависимости. Въ Карабахъ былъ назначенъ Лисаневичъ, а въ Нуху Котляревскій. Котляревскій дѣйствовалъ очень осторожно и сумѣлъ такъ расположить хана и жителей въ русскому правительству, что, послѣ свиданія князя Циціанова съ ханомъ, устроеннаго Котляревскимъ, нухинское ханство, безъ кровопролитія, присоединилось къ

Россіи. Возвратясь въ Елисаветполь, Котляревскій съ полкомъ отправился въ Карабахъ и тамъ совершилъ одинъ изъ самыхъ блистательныхъ, но, къ сожалѣнію, мало извѣстныхъ подвиговъ русскаго войска на Кавказѣ. Мы говоримъ про дѣло 1803 года, когда 70,000 персіянъ вступили въ эриванское ханство. 24-го іюня одинъ изъ персидскихъ отрядовъ приблизился къ Карабаху, гдѣ находился, какъ выше сказано, маіоръ Лисаневичъ съ 300 человекъ русской пѣхоты. Князь Циціановъ отправилъ къ нему на помощь до 600 человекъ при двухъ орудіяхъ, подъ командою полковника Карягина; старшій по немъ былъ маіоръ Котляревскій. Отрядъ спѣшилъ соединиться съ Лисаневичемъ, какъ вдругъ, на половинѣ пути къ Шушѣ, на рѣкѣ Шахъ-Булахъ, неожиданно наткнулся на отрядъ персіянъ изъ 3,000 человекъ, составлявшихъ лишь часть персидскаго авангарда, число котораго доходило до 10,000.

Непріятель былъ въ пять разъ сильнѣе; несмотря на то, русскій отрядъ построился въ каре и, подъ выстрѣлами, по трудной, гористой мѣстности, продолжалъ подвигаться впередъ. Въ теченіе шести часовъ отбивалась горсть храбрецовъ, наконецъ персіяне отошли, но не теряли отряда изъ виду. Карягинъ выбралъ мѣсто близъ рѣки и расположился отдохнуть; въ четырехъ верстахъ отъ него стоялъ весь персидскій авангардъ. Рано утромъ, когда солдаты, утомленные переходомъ и боемъ, отдыхали, персіяне окружили ихъ. Отрядъ быстро сожмулся опять въ каре, и когда персидская конница съ крикомъ бросилась на русскіхъ, то встрѣтила стальную стѣну, которую не могла опрокинуть; между тѣмъ подоспѣла и персидская пѣхота, но и ея усилія были тщетны: послѣ трехъ-часоваго боя, персіяне отступили. Хотя русскіе отразили непріятеля, сначала въ пять разъ, а потомъ въ пятнадцать разъ сильнѣйшаго, однако положеніе ихъ было безвыходное: они увидѣли себя въ блокадѣ. Карягинъ укрѣпился какъ могъ, и несмотря на то, что самъ былъ раненъ, а отрядъ уменьшился на половину, всѣ почти лошади перебиты, помощи ожидать было не откуда, продолжалъ отчаянно обороняться. Персіяне старались отрѣзать у насъ воду и устроили для этого на рѣкѣ Шахъ-Булахъ нѣсколько батарей. Слѣдующій день прошелъ въ томительномъ ожиданіи; наступила ночь. Сто человекъ русскіхъ сдѣлали вылазку, отбили у персіянъ на рѣкѣ пять батарей, изъ которыхъ три взялъ Котляревскій, но, не имѣя людей удержать ихъ, тутъ же ихъ уничтожили. На другой день пронесся слухъ, что предводитель персовъ, Аббасъ-Ширза, со всѣмъ войскомъ, расположился въ четырехъ верстахъ и намѣренъ своей артилеріею истре-

бить оставшихся русскихъ. Дѣйствительно, на 27-е іюня, показалось несмѣтное число персіянъ и открылась пушечная пальба. Конница снова ринулась на русскихъ и снова встрѣтила упорное сопротивление; выстрѣлы продолжались цѣлый день; гибель казалась неизбежною. Барягинъ получилъ двѣ контузіи и былъ раненъ въ спину; Котляревскій въ лѣвую ногу; большая часть отряда не существовала и далѣе сопротивляться было невозможно. Кто не былъ убитъ или раненъ, тотъ изнемогалъ отъ усталости, послѣ четырехсуточного боя. Тогда Котляревскій предложилъ бросить обозъ и убитыхъ и пробиться грудью, сивовъ персидскую армию, къ небольшой крѣпости Шахъ—Булахъ, овладѣть ею и укрѣпиться въ ней. Отчаянное положеніе заставило согласиться на это отчаянное предложеніе. Въ ночь, 28-го іюля, выступилъ остатокъ отряда; несмотря на изнеможеніе, солдаты взяли на себѣ орудія и несли раненыхъ; шли молча, подвигались тихо. Счастливымъ новавъ главный отрядъ, они вздохнули свободнѣе; но вдругъ наткнулись на объездъ. Началась перестрѣлка; темнота ночи помогла русскимъ подвигаться впередъ; выстрѣлы и погоня продолжались, пока, наконецъ, въ темнотѣ непріятель потерялъ горсть храбрецовъ изъ виду. Въ разсвѣту отрядъ былъ у стѣнъ крѣпости Шахъ—Булаха, которая тутъ же была взята штурмомъ; два хана были убиты, гарнизонъ разсѣянъ, а побѣдители заперлись въ новомъ своемъ убѣжищѣ. При штурмѣ крѣпости Шахъ—Булаха, Котляревскій былъ вторично раненъ въ руку картечью.

Вскорѣ было получено извѣстіе, что самъ шахъ идетъ къ крѣпости и намѣренъ умирить русскихъ съ голоду. Дѣйствительно, въ Шахъ—Булахъ не было никакихъ запасовъ, и недостатокъ въ нихъ уже началъ ощущаться, такъ что солдаты принуждены были ѣсть траву и лошадиное мясо. Вкругомъ крѣпости стояло персидское войско, поджидая шаха. Чтобы спастись отъ голодной смерти, оставалось одно средство: бросить Шахъ—Булахъ и овладѣть, въ 25 верстахъ, другою крѣпостью—Мухрату. Котляревскій предложилъ обмануть сонную бдительность персіянъ и разставить ночью часовыхъ, такъ чтобы персіяне слышали ихъ оклики; самими же выступить изъ крѣпости и опять, пользуясь темнотою ночи, идти къ крѣпости Мухрату. Предложеніе было принято и исполнено такъ удачно, что даже часовые успѣли выйти изъ крѣпости и догнать отрядъ.

Слѣдующій фактъ можетъ ясно доказать, съ какими самоотверженіемъ дѣйствовали солдаты и какимъ геройскимъ духомъ всѣ были проникнуты. На пути изъ крѣпости Шахъ—Булаха въ крѣпость Мух-

рату, встрѣтился небольшой ровъ, черезъ который нельзя было перевести орудія. Четыре солдата добровольно предложили сдѣлать изъ себя мостъ: легли поперекъ рва и орудія перевезли по нимъ; только два изъ нихъ остались живы. Въ сожалѣнію, исторія не сохранила имени героевъ, которые, своею преданностью долгу и храбростію, могутъ состязаться съ любыми изъ героевъ древняго міра.

Русскіе благополучно добрались до крѣпости, которую и заняли, послѣ небольшого сопротивленія.

Едва Котляревскій оправился отъ ранъ, полученныхъ имъ при Шахъ-Булахѣ, какъ въ августѣ, уже опять, участвовалъ въ экспедиціи, для усмиренія измѣнившихъ Россіи народовъ; а въ ноябрѣ мѣсяцѣ, подъ личнымъ начальствомъ князя Циціанова, онъ выступилъ съ отрядомъ къ крѣпости Баку. Отрядъ состоялъ изъ 2,000 человекъ, при десяти орудіяхъ; Котляревскій командовалъ авангардомъ. У воротъ Баку, князь Циціановъ былъ вѣроломно убитъ. Вслѣдствіе сего осада крѣпости была снята и войско должно было возвратиться въ свои предѣлы. Но не надолго Котляревскій оставался въ бездѣйствіи: скоро онъ нашелъ опять пищу для своей дѣятельности и случай снова отличиться. Карабахскій ханъ измѣнилъ Россіи, не хотѣлъ платить условленной дани и, кромѣ того, былъ недоволенъ тѣмъ, что въ столицѣ его, Шушѣ, находился русскій отрядъ. Возобновивъ дружескія сношенія съ Персією, ханъ просилъ персидскаго шаха защитить его владѣнія отъ русскихъ. Шахъ исполнилъ просьбу, выслалъ въ Карабахъ 20,000 персіянъ. Съ нашей стороны былъ отправленъ туда же генералъ Небольсинъ съ отрядомъ, въ которомъ находился неутомимый Котляревскій. Встрѣча съ неприятелемъ произошла около той же рѣки Шахъ-Булаха; завязалось дѣло; отрядъ подъ выстрѣлами продолжалъ подвигаться впередъ. Такъ онъ прошелъ 16 верстъ. Котляревскій съ своими егерями шелъ бойко впередъ, неустрасливо поражая неприятеля и открывая свободный путь отряду; онъ поспѣвалъ вездѣ, гдѣ нужно было распорядиться, поддержать или воодушевить своимъ примѣромъ мужество храбрыхъ, но иногда колебавшихся солдатъ. Постоянная побѣда русскаго отряда раздражила начальника персидскихъ войскъ, до того, что онъ взялъ отъ своихъ подчиненныхъ вѣтву побѣдить или умереть.

Спустя нѣсколько дней произошло жестокое сраженіе, при хонашинскомъ дефиле. Несмотря на данную вѣтву и на выгодную позицію персидскаго войска, персіане были разбиты и бѣжали за Араксъ. Во время сраженія Котляревскій со своими егерями

былъ на лѣвомъ флангѣ; непріятель занималъ на высотахъ очень выгодную позицію, которую Котляревскій вскорѣ отбилъ у нихъ и самъ занялъ. Тогда персіане окружили его и отрѣзали отъ остальнаго русскаго войска. Четыре раза они вновь брали высоты; но и Котляревскій, своею стойкостью, четыре раза сбивалъ ихъ съ позиціи и, наконецъ, обративъ непріятеля въ бѣгство, довершилъ побѣду. Котляревскій, главнымъ образомъ способствовавшій побѣдѣ, былъ произведенъ въ подполковники и назначенъ начальникомъ русскаго отряда въ Шумъ, на мѣсто Лисаневича. Въ слѣдующемъ 1808 году онъ былъ произведенъ въ полковники.

Несмотря на всѣ побѣды, которыя безпрестанно одерживали русскіе, пламя войны не угасало, а разгоралось въ Закавказьѣ. Персіане, едва успѣвая оправиться отъ одного пораженія, замыслили новое нападеніе и вторгались въ русскіе предѣлы. Вскорѣ они выступили къ Нахичевани. Генералъ Небольсинъ опять получилъ приказаніе остановить это движеніе. Неизирая на страшную погоду, русскіе перешли въ октябрѣ снѣжныя и утесистыя карабахскія вершины. При выходѣ изъ ущелья горъ, отрядъ встрѣтился съ непріятелемъ. Персидскіе всадники и подоспѣвшая къ нимъ пѣхота бросилась на него; завязался упорный бой, въ которомъ персіане едва не одержали верхъ. Непріятель больше всего нападаль на лѣвый флангъ, которымъ командовалъ Котляревскій; ему, однако, удалось, сильнымъ движеніемъ сбить противника съ выгодной высоты и занять ее. Немедленно Котляревскій устроилъ батарею на отбитой высотѣ и началъ съ нея громить персіанъ, которые употребляли всѣ силы, чтобы взять обратно эту возвышенность; но Котляревскій вездѣ былъ впереди, и отъ него ни на шагъ не отставали обожавшіе своего храбраго начальника храбрые солдаты. Сраженіе продолжалось полсутки; наконецъ русскіе штыки принудили персіанъ бѣжать. Котляревскій отнял у нихъ три пушки и преслѣдовалъ бѣгущія толпы болѣе трехъ верстъ. Послѣ этого сраженія русскіе безъ боя заняли крѣпость Нахичевань.

Для защиты Грузинъ отъ нападенія персіанъ назначены были два отряда, изъ которыхъ одинъ, подъ начальствомъ Лисаневича, охранялъ Елисаветинскій округъ, а другой, подъ начальствомъ Котляревскаго, Карабахъ. Съ этихъ поръ для Котляревскаго начинается новая эпоха его боевой жизни — эпоха командованія отдѣльными отрядами.

Если бы англичане тайно не поддерживали шаха противъ Россіи, то персіане не могли бы такъ долго бороться съ нашимъ оружіемъ.

Но Англія употребила всё усилія, чтобы продолжать войну Россіи съ Турціей и Персіей; она не жалѣла ничего для достиженія своей цѣли и выслала въ Персію не только оружіе, но даже офицеровъ, для обученія персидскаго войска. Персидское правительство, между тѣмъ, желая выиграть время, притворно вежо съ Россіей переписку о заключеніи перемирія.

Для переговоровъ былъ назначенъ, съ нашей стороны, командовавшій въ то время кавказскими войсками графъ Торماسовъ, а отъ персидскаго правительства хитрый Мирза-Безюркъ. Уполномоченные съѣхались въ крѣпости Аскеранъ. Требованія, заявленные Мирзою-Безюркомъ, не согласовались ни съ видами, ни съ достоинствомъ русской державы, а потому свиданіе дипломатовъ кончилось ничѣмъ. Вскорѣ Персія заключила союзъ съ Турціей противъ Россіи, и персидское войско заняло крѣпость Мигри, въ карабахскомъ ханствѣ, а такъ какъ Карабахъ съ 1805 года принадлежалъ Россіи, то графъ Тормасовъ послалъ отрядъ, въ 400 человекъ, подъ начальствомъ полковника Котляревскаго, чтобы очистить крѣпость Мигри отъ персіянъ и занять ее. Отдавъ это приказаніе, главнокомандующій получилъ извѣстіе, что сильные отряды персидскихъ войскъ движутся по тому же направленію.

Не желая посылать людей на вѣрную смерть, графъ Тормасовъ отдалъ приказаніе о немедленномъ возвращеніи отряда Котляревскаго, но предписаніе его дошло до Котляревскаго тогда, когда неприступная Мигри находилась уже нѣсколько дней въ рукахъ русскихъ. Вотъ какъ совершилъ Котляревскій этотъ подвигъ.

Крѣпость Мигри стоитъ на неприступныхъ скалахъ; персіяне, въ числѣ 2 000 человекъ, засѣли въ ней, ожидая нападенія русскихъ. Котляревскій, избѣгая встрѣчи съ непріателемъ, опасаяся идти по дорогамъ ведущимъ къ крѣпости; онъ желалъ сохранить для предстоящаго штурма всѣхъ своихъ людей, а потому рѣшился, оставивъ пушки, пробраться къ крѣпости, по вершинамъ карабахскихъ горъ, тропинками, которыя считались непроходимыми и потому оставались безъ надзора. Три дня солдаты то спускались въ пропасти, то карабкались на утесы; наконецъ, сошли съ горъ, въ пяти верстахъ отъ Мигри. Оставя весь обозъ въ небольшомъ аулѣ, отрядъ двинулся къ крѣпости и съ трехъ сторонъ атаковалъ ее. Днемъ Котляревскій успѣлъ занять переднія высоты. Персидскія войска, слыша выстрѣлы, бѣгомъ слѣшили на помощь осажденнымъ: медлить было некогда, а потому Котляревскій, съ наступленіемъ ночи, началъ приступъ, напавъ на селеніе, окружающее крѣпость, и къ утру овла-

дѣлъ имъ. Занявъ селеніе, Котляревскій устроился на батарее, находившіяся на лѣвомъ хребтѣ, передъ крѣпостью. Отъ этого приступа зависѣла побѣда или общая гибель. Дружно бросились солдаты, предводительствуемые храбрыми офицерами; ошеломленные персіяне пришли въ смятеніе и не успѣли опомниться, какъ майоръ Дьячковъ взялъ три батареи, а остальные двѣ самъ Котляревскій. Покончивъ тутъ, русскіе бросились на правый хребетъ. Солдаты, воодушевленные успѣхомъ, грудью и штыками вытѣснили персіянь изъ укрѣпленій и заняли ихъ. Оставалась одна неприступная батарея, устроенная на вершинѣ отвѣснаго, кремнистаго утеса, къ которому даже невозможно было приставить лѣстницы. Утесъ прямо и гордо высился къ небу, какъ бы сѣялся надъ ничтожною горстью людей, которые возгордились своими успѣхами до того, что осмѣлились атаковать его. Котляревскій, осмотрѣвъ утесъ со всѣхъ сторонъ, убѣдился, что приступомъ не одолѣть гиганта и что тутъ приходилось бороться не съ людьми, а съ природой. Но природа, какъ и люди, должна была уступить передъ силой воли и твердостью духа. Котляревскій окружилъ неприступную батарею со всѣхъ сторонъ, потомъ приказалъ отвести рѣку и тѣмъ лишилъ осажденныхъ воды: черезъ сутки гарнизонъ, измученный жаждою, самъ оставилъ свой гранитный пріютъ; многіе съ отчаяніемъ бросались съ вершины утесовъ, не желая сдаться. Русскіе овладѣли крѣпостью; персіяне бѣжали. При штурмѣ Котляревскій былъ раненъ пулею въ лѣвую руку. Главнокомандующій со страхомъ ожидалъ извѣстія объ отрядѣ, и когда получалъ донесеніе о взятіи Мигри, то не вѣрляя своимъ глазамъ: графъ Торماسовъ зналъ хорошо стойкость своихъ войскъ, но такой геройскій подвигъ превышалъ всѣ его ожиданія. Послѣ донесенія о побѣдѣ, главнокомандующій, боясь за участь храбрецовъ, послалъ предписаніе: «немедленно вытребовать Котляревскаго съ командою изъ Мигри». Но Котляревскій въ это время не удовольствовался взятіемъ крѣпости, а довершалъ дѣло, уничтожая персидское войско.

Аббасъ-Мирза, приближаясь къ Мигри, пришелъ въ бѣшенство, узнавъ о взятіи ея: онъ угрожалъ своимъ недочиненнымъ звѣрскимъ мщеніемъ, если они не вытѣснятъ русскихъ изъ крѣпости. Котляревскій, зная съ кѣмъ имѣеть дѣло и вполне сознавая неприступность взятой имъ крѣпости, смѣло ждалъ нападенія. Къ тому же, горными дорогами, изъ Шуши успѣли выслать отряду провіантъ и подкрѣпленіе, а чтобы сохранить воду, Котляревскій защитилъ рѣку двумя сильными батареями. Персіяне окружили крѣпость, но не рѣшились брать ея штурмомъ и тщетно стрѣляли въ непо-

колебанный гранитъ. Наконецъ, Аббасъ-Мирза, согласуясь съ мнѣніемъ англійскихъ офицеровъ, убѣдился, что съ своими полчищами ему не взять крѣпости, что тутъ нужна стойкость и храбрость, а не многочисленность; онъ донесъ Ахметъ-Хану, что Мигри неприступна, послѣ чего получилъ повелѣніе отступить. Персіане оставили Мигри и потянулись къ Араксу. Немедленно, вслѣдъ за ними, Котляревскій выступилъ ночью съ 500 человѣками и нагналъ ихъ близъ рѣки, чрезъ которую они переправлялись частями. Русскіе тихо подкрались, окружили непріятеля и врасплохъ ударили на него въ штыки. Паническій страхъ овладѣлъ персіанцами; они, въ темнотѣ ночи, бросаясь во всѣ стороны, натыкались сами на штыки, и, спасаясь отъ штыковъ, бросались въ быстрый Араксъ, и тамъ и тутъ встрѣчая смерть. Та же часть войска, которая была переправлена за рѣку, отъ страха бѣжала въ горы. Русскихъ было такъ мало, что нельзя было брать плѣнныхъ, потому что некому было бы ихъ караулить, а потому Котляревскій приказалъ прикалывать тѣхъ, кто попадался живой въ руки. Рѣка была запружена трупами, кровь струилась въ ней какъ вода; едва доставало рукъ, чтобы исполнить суровое, но необходимое приказаніе героя. Непріятельское войско было буквально уничтожено. Всю добычу и оружіе Котляревскій приказалъ побросать въ воду, такъ какъ не на чѣмъ и не на комъ было ничего везти нести съ собою. Въ этомъ неслыханномъ дѣлѣ въ лѣтописяхъ Кавказа геройскомъ дѣлѣ, Котляревскій выказалъ себя не только какъ храбрый воинъ, преданный своему долгу, но и какъ полководецъ, достойный страницъ въ исторіи.

Вскорѣ Котляревскій за свои заслуги назначенъ былъ командиромъ Грузинскаго гренадерскаго полка, получилъ Георгія 4-й степени и золотую шпагу съ надписью: *за храбрость*. Мигринскій герой былъ оставленъ во взятой имъ крѣпости и получилъ приказаніе укрѣпить ее, на что отвѣчалъ: «Мигри такъ укрѣплена природою и персіанцами, что неприступна ни для какого непріятеля и укрѣпить ее сильнѣе невозможно». Котляревскій жестоко страдалъ отъ четырехъ ранъ, которыми не имѣлъ времени хорошенько заняться: онъ просилъ графа Торماسова дать ему отдыхъ. Главнокомандующій сейчасъ же согласился, и Котляревскій отправился въ Тифлисъ, гдѣ ему необходимо было обратить вниманіе на разстроенное свое здоровье.

Послѣ отъѣзда Котляревскаго, Аббасъ-Мирза, оправившись отъ пораженія, покушался еще разъ отнять Мигри; но всѣ его старанія остались тщетны: Мигри стояла грозная и неприступная. Нѣ-

сколько времени спустя, графъ Тормасовъ, утомленный управленіемъ ввведеннымъ краемъ, просилъ объ увольненіи; на его мѣсто назначенъ былъ маркизъ Паулучи, который уже былъ извѣстенъ на Кавказѣ побѣдою, одержанною имъ надъ соединенными персидскими и турецкими войсками близъ Ахалкалакской крѣпости. Маркизъ Паулучи находилъ, что необходимо овладѣть турецкою крѣпостью Ахалкалаки; но онъ сознавалъ всю трудность своего намѣренія и помнилъ, что въ 1807 году графъ Гудовичъ, съ 8,000 отрядомъ, не могъ взять этой крѣпости и отступилъ съ большимъ урономъ.

Для взятія Ахалкалаки, какъ и для взятія Мигри, нужна была не сила матеріальная, а сила нравственная, не числительность войскъ, а распорядительный, предприимчивый и храбрый начальникъ. Конечно, маркизъ Паулучи остановился на Котляревскомъ, назначивъ его начальникомъ отряда, который посылался для взятія, по ивѣнью всѣхъ и даже самаго главнокомандующаго, неприступной крѣпости Ахалкалаки.

Котляревскій съ благодарностью принялъ на себя трудное порученіе и бойко и бодро пошелъ на новый подвигъ. Онъ избралъ, для достиженія Ахалкалаки, по прежнему тотъ же путь, какимъ слѣдовалъ къ Мигри: предводитель русскихъ орловъ шелъ тамъ, гдѣ орлы вьютъ себѣ гнѣзда. Пройдя Боржомское ущелье, Котляревскій пробрался по вершинамъ Триалетскихъ горъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда въ горахъ морозъ бываетъ невыносимъ, и когда даже самыя тропинки, пробитыя полудинными обитателями горъ, бывають запесены снѣгомъ. Съ двумя баталіонами своего полка, безъ орудій, взявъ съ собою только складныя лѣстницы, Котляревскій выступилъ въ ночь съ 3-го на 4-е декабря 1811 года; въ продолженіе четырехъ дней, утопая въ снѣгу, засыпаемый мятелью, застывая отъ стужи, отрядъ все простирался впередъ, движимый силою воли и безграничнымъ довѣріемъ къ своему начальнику. Наконецъ, 7-го декабря, отрядъ вступилъ въ Ахалцыхскій пашалыкъ и въ 25 верстахъ отъ Ахалкалаки скрылся въ ущельяхъ горъ; ближе нельзя было подойти, потому что мѣстность, которая окружаетъ крѣпость, открыта, и прибытіе русскихъ было бы тотчасъ замѣчено. Котляревскій ночью вывелъ отрядъ изъ ущелій и неслышнымъ, но быстрымъ шагомъ повелъ его къ крѣпости. Не доходя верстѣ двухъ отъ глубокаго рва, окружавшаго крѣпость, онъ далъ солдатамъ отдохнуть. Съ крѣпости, въ ночной тиши, долетали уже оклики часовыхъ. Въ темнотѣ отрядъ подвигался осторожно и гарнизонъ только тогда замѣтилъ русскихъ, когда они уже перелѣзали оврагъ у самыхъ стѣнъ крѣпости. Стрѣ-

нительно бросались наши герои на стѣны; въ мигъ подставили лѣстницы; солдаты спорили между собою, кому первому лѣзть на приступъ. Капитанъ Шультевъ бросился съ гренадерами на батарею, которая была всѣхъ ближе, и, овладѣвъ ею, устремился на двѣ другихъ и также занялъ ихъ; турки отчаянно защищались, но русскіе, помня всѣ ужасы, которые они вынесли для достиженія своей цѣли, какъ разъяренныя львы бросались на турокъ и беспощадно кололи ихъ своими трехгранными штыками. Еще солнце не показалося нѣтъ—за горъ, какъ уже вѣрность была въ рукахъ русскихъ. Гарнизонъ большею частію былъ переколотъ, остальные скрылись бѣгствомъ. Въ вѣрности взято 16 орудій, 40 вудевъ пороху, два знамени и множество оружія и снарядовъ. На другой день Котляревскій послалъ капитана Шультепа къ главнокомандующему, для личнаго доклада объ исходѣ дѣла. Маркизь Паулучи отправилъ того же капитана Шультепа съ донесеніемъ къ государю о побѣдѣ. За взятіе вѣрности Ахалкалаки, Котляревскій, на 29 году жизни, произведенъ въ генералъ-маіора. Этой награды былъ вполне достоинъ юный полководецъ, обещавшій своими гениальными воинскими способностями быть вторымъ безсмертнымъ Суворовымъ, если бы судьбѣ угодно было сберечь его для славы русскаго оружія. Но увы! мы увидимъ, какъ рано увѣчья и тяжкія раны пресѣкли его доблестные подвиги.

Послѣ взятія вѣрности, Котляревскій озаботился обезпечить продовольствіемъ гарнизонъ, который долженъ былъ остаться въ ней. Всѣ окрестныя жители разбѣжались и угнали съ собою стада. Онъ послалъ команды вслѣдъ за бѣгущими, чтобы отбивать у нихъ скотъ и хлѣбъ, а самъ отправился въ глубь страны, занявъ нѣсколько деревень и забравъ въ плѣнъ до 400 семействъ, которыхъ отправилъ въ Грузію вмѣстѣ съ плѣнными турками. Окончивъ всѣ распоряженія въ завоеванной вѣрности, генералъ Котляревскій возвратился въ Гори къ своему полку.

Двумъ баталіонамъ, отличившимся при взятіи Ахалкалаки, были пожалованы георгіевскія знамена.

Въ то время, какъ мирненскій герой налетѣлъ съ горъ на Ахаллаки и разорвалъ турецкое гнѣздо, смывая своей побѣдой неудачную попытку графа Гудовича взять вѣрность въ 1807 году, въ Карабахѣ, который такъ еще недавно Котляревскій очистилъ отъ непріятеля и внушилъ въ жителяхъ его страхъ и полное довѣріе къ русскому оружію, начались опять безпорядки: долища Аббасъ-Миранъ нахлынули снова на Карабахское ханство; одинъ баталіонъ Троиц-

каго долга, подъ командою капитана Джинне, былъ нечаянно окруженъ персіянами, и, не выдержавъ натиска непріятеля, сдался въ плѣнъ. Не такъ поступили Карагинъ и Котляревскій, когда ихъ окружилъ Туръ-Кули-Ханъ съ войскомъ въ пятнадцать разъ сильнѣе ихъ... Но Карагинъ уже не существовалъ, а Котляревскій былъ далеко. Персіяне безмѣрно возгордились своей побѣдой, а татары, подвластные Россіи, упали духомъ. Лишь только маркизъ Паулучи узналъ о вторженіи въ Карабахъ и о неудачѣ, которую потерпѣли русскіе, онъ немедленно назначилъ отрядъ изъ 1,000 человекъ, подъ командою генерала Котляревскаго, для вторичнаго изгнанія персіянь изъ Карабаха.

Аббасъ-Мирза, узнавъ о прибытіи въ Карабахъ бича персіянь, забралъ жителей, пограбилъ все что могъ и поспѣшно отступилъ за Араксъ. Когда Котляревскій прибылъ въ край, такъ хорошо ему знакомый, первую заботою его было возстановить въ жителяхъ довѣріе къ русской силѣ. Для достиженія этой цѣли онъ рѣшился преслѣдовать Аббаса-Мирзу, перейти за Араксъ, возвратитъ взятыхъ въ плѣнъ карабахцевъ и отнять у непріятеля заграбленное имущество. Къ сожалѣнію, ему не удалось привести свой планъ въ исполненіе. Дойдя до Аракса, русское войско встрѣтило неожиданное препятствіе: мостъ былъ сломанъ непріятелемъ, а въ бродъ невозможно было переправиться; вода слишкомъ была высока отъ сильныхъ дождей и оттепели, такъ что отрядъ долженъ былъ довольствоваться дѣйствіями по сю сторону рѣки. Котляревскому удалось разбить двѣ шайки разбойниковъ; забрать ихъ въ плѣнъ, взять мѣстечко Кяръ-Коха, которое персіяне считали неприступнымъ, возвратитъ болѣе 400 семействъ карабахцевъ и отбить до пятнадцати головъ рогатаго скота. Хотя планъ Котляревскаго и не вполне удался, но того, что онъ сдѣлалъ, было достаточно, чтобы внушить жителямъ прежній страхъ къ русскому оружію и доказать имъ, что у русскихъ есть еще довольно войска и силы, чтобы преслѣдовать и бить персіянь.

За эту экспедицію Котляревскій былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени и, сверхъ того, ему назначено ежегодно по 1,200 рублей асигнаціями.

Послѣ маркиза Паулучи, главнокомандующимъ кавказскими войсками назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Ртищевъ, человекъ предлонныхъ лѣтъ, характера нерѣшительнаго и не отличавшійся никакими военными способностями. Трудный постъ, на который былъ поставленъ Ртищевъ, превышалъ его нравственныя и физиче-

скія силы. Принявъ командованіе, онъ началъ поступать съ свойственною ему осторожностію. Добрый и честный старикъ простодушнo надѣялся склонить персіянъ къ миру и, вмѣсто того чтобы дѣйствовать наступательно, завязалъ по этому случаю съ Аббасъ-Мирзою и съ англійскимъ посланникомъ бесполезную переписку. Англійскій посланникъ прислалъ своего племянника Гордона въ Тифлисъ. Ртищевъ принялъ его очень радушно и даже предложилъ ему осмотрѣть войска, стоявшія въ бездѣйствіи. Персіяне же, несмотря на переписку о мирѣ, безпрестанно продолжали нападать на русскія границы. Внутренніе смуты и смѣлость враговъ все болѣе и болѣе усиливались. Котляревскій не вѣрилъ въ возможность мира съ персіянами; ему всѣ распоряженія главнокомандующаго были не по душѣ; хорошо зная вѣроломство персіянъ и хитрую политику англичанъ, онъ ждалъ бѣды, заботливо слѣдилъ за движеніями непріятеля, былъ всегда на-готовѣ и негодовалъ на свое невольное бездѣйствіе. Вскорѣ былъ объявленъ миръ Россіи съ Турціей; въ то же время наступилъ 1812-й годъ. Всѣ силы Россіи, всѣ помышленія, всѣ заботы были сосредоточены для защиты сердца Имперіи—Москвы. На Кавказѣ войска не комплектовались; внутренніе безпорядки усиливались; миръ съ Персіей былъ только въ мечтахъ генерала Ртищева. Вдругъ пришло извѣстіе въ Тифлисъ, что персіяне готовятся сдѣлать нападеніе на Грузію. Главнокомандующій не былъ готовъ встрѣтить враговъ и могъ выставить противъ нихъ только три небольшихъ отряда; однимъ изъ нихъ командовалъ Котляревскій. Этотъ отрядъ защищалъ Карабахъ и долженъ былъ остановить движеніе непріятеля чрезъ Нуху къ Тифлису. Карабахцы волновались; Аббасъ-Мирза показался съ войскою и вступилъ въ русскія владѣнія. Переписка же о мирѣ все продолжалась и тѣмъ ясно доказывалось вѣроломство персіянъ. Котляревскій напрасно писалъ нѣсколько разъ Ртищеву, прося у него разрѣшенія перейти за Араксъ, чтобы начать наступательныя дѣйствія и тѣмъ остановить дальнѣйшее движеніе непріятеля: на свои рапорты Котляревскій не получалъ отвѣта. Выведенный изъ терпѣнія, онъ написалъ главнокомандующему: «если чрезъ пять дней я не получу испрашиваемаго разрѣшенія, то, не взирая ни на что, пойду за Араксъ; ибо если Аббасъ-Мирза успеетъ овладѣть Талышскимъ ханствомъ, то это будетъ такой вредъ, что его нельзя будетъ поправить».

Ртищевъ, все еще мечтавъ о возможности заключить миръ съ Персіей, выступилъ, для свиданія съ Аббасъ-Мирзою и для личныхъ съ нимъ переговоровъ о мирѣ, изъ Тифлиса съ 3,000 отрядомъ къ гра-

ницѣ Персін и близъ Аракса соединился съ отрядомъ Котляревскаго. Къ Аббасъ-Мирзѣ былъ отправленъ офицеръ съ предложеніемъ назначить мѣсто для переговоровъ о мирѣ. Хитрый персіанинъ требовалъ, чтобы главнокомандующій прїѣхалъ къ нему, на ту сторону Аракса, за восемьдесятъ верстъ, въ глубь Персін. Ртищевъ, конечно, не согласился на это дерзкое требованіе. Котляревскій предлагалъ отвѣчать пулями и штыками; но Ртищевъ надѣялся склонить Аббаса-Мирзу къ миру и нашелъ, что самое лучшее будетъ вести переговоры черезъ повѣренныхъ. Въ самый день открытія совѣщаній получено было извѣстіе, что Талышпское ханство возмущилось и что 10,000 персіанъ вошли въ крѣпость Ленкорань. Тутъ только Ртищевъ убѣдился, на сколько персіане желали мира.

Котляревскій все это предвидѣлъ и просилъ Ртищева не терять времени на ни къ чему не ведущіе переговоры о мирѣ, а атаковать Аббаса-Мирзу, обѣщая вѣрную побѣду. Ртищевъ боялся неудачи. Между подчиненнымъ и начальникомъ возникло неудовольствіе. Старческая осторожность главнокомандующаго возбуждала негодованіе въ кипѣвшемъ храбростію и отважною рѣшительностію молодомъ полководцѣ. Однажды, за обѣдомъ, Котляревскій не соглашался съ распоряженіями Ртищева; старый генералъ всплилъ и сказалъ, что «молодые генералы должны, прежде всего, учиться молчать передъ старшими». Котляревскій отвѣчалъ, «что дѣло идетъ о спасеніи людей и славы русскаго оружія, и что онъ не станетъ уклончиво молчать тамъ, гдѣ надо говорить правду», и прибавилъ, что просить главнокомандующаго уволить его во все отъ службы. На это Ртищевъ хладно-ровно замѣтилъ, что каждый дворянинъ имѣетъ право выходить въ отставку, когда пожелаетъ. Тѣмъ разговоръ кончился. Слухъ, что Котляревскій оставляетъ войско, быстро разнесся по лагерю. Солдаты пришли въ ужасъ; офицеры сознавали вполне тѣ послѣдствія, которыя должна была имѣть потеря генерала, одно имя котораго наводило ужасъ на персіанъ. Генералъ Ахвердовъ пошелъ къ главнокомандующему и долго пробылъ съ нимъ; что было сказано неизвѣстно, но, черезъ нѣсколько времени, Ртищевъ оцѣнилъ военный гений своего подчиненнаго: выйдя изъ палатки, онъ громко позвалъ своего ординарца, приказалъ ему ѣхать къ Котляревскому и объявить, что будетъ у него къ чаю. Котляревскій вышелъ навстрѣчу главнокомандующему, который съ истиннымъ великодушіемъ, со слезами извинился передъ нимъ, прося, чтобы онъ не оставлялъ службы. Ртищевъ прибавилъ, что обстоятельства требуютъ его

немедленнаго возвращенія въ Тифлисъ; а такъ какъ Котляревскій знаетъ лучше край и характеръ войны, то разрѣшаетъ ему дѣйствовать во всемъ по собственному усмотрѣнiю, ногагаясь вполнѣ на его опытность и благоразуміе. Одно запрещалъ главнокомандующій Котляревскому: отнюдь не переходить за Араксъ. Энергическій, ипучій отвагою молодой генераль, какъ мы вскорѣ увидимъ, не исполнилъ призыванія осторожнаго начальника. Самый успѣхъ дѣйствій Котляревскаго не можетъ вполнѣ оправдать его ослушанія: дисциплина есть краеугольный камень военной службы; на ней зиждутся крѣпость и единство дѣйствій войска; къ счастью, Котляревскій загладилъ свой проступокъ, одержавъ одну изъ тѣхъ блистательныхъ побѣдъ, которою можетъ гордиться лѣтопись русскаго войска.

На Кавказѣ положеніе дѣлъ было тогда самое прискорбное; порабощенные или подчиненные кавказскіе народы, одинъ за другимъ, снова поднимали оружіе противъ Россіи. Бахетія, лезгинны и всѣ горцы взбунтовались и отрѣзали сообщеніе съ Россіей. Войска не комплектовались; денегъ изъ Россіи не высылали по случаю двѣнадцатаго года; депешы и почту перехватывали горы; чума и голодъ довершали бѣдствія края. Когда Ртищевъ удалился съ главнымъ отрядомъ, а персидское войско все прибывало къ границѣ, карабахскій ханъ началъ весьма непочтительно обращаться съ русскими, такъ что, при отъздѣ Ртищева изъ Карабаха, даже не выѣхалъ проводить главнокомандующаго, но спокойно сидѣлъ у себя въ Шушѣ. Котляревскій хорошо зналъ азійскій характеръ. Онъ предвидѣлъ, что обида, нанесенная ханомъ передъ всѣми краемъ русскому военачальнику, неизменно должна будетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Надо было остановить могущее вспыхнуть возмущеніе. Лихой наѣздникъ, смѣлый молодой генераль, проводя своего начальника, одинъ, въ сопровожденіи казака, поскакалъ въ Шушу, прямо на ханскій дворъ. Ханъ, сидя у фонтана, спокойно курялъ кальянъ; вооруженные карабахцы толпились около своего властелина. Подскакавъ къ самому хану, Котляревскій закричалъ ему по-татарски, махая нагайкой: «Я тебя повѣшу». Озадаченный ханъ спросилъ въ замѣшательствѣ: «За что ты гнѣваешься?» «Какъ за что!» грово кричалъ Котляревскій; «развѣ ты ни во что ставишь русскаго сардара, что смѣлъ не вѣрнать проводить его и проситься съ нимъ; ты долженъ былъ явиться къ нему и провожать его!»

Смѣлость и храбрость имѣютъ обаятельную силу. Толпа, окружавшая хана, всегда готовая, по мановенію своего начальника, растерзать человѣка, стояла пониннувъ головами, а ханъ началъ уни-

женно оправдываться, дѣлая тутъ же распоряженія, чтобы сѣдлали коней и навьючили нѣсколько муловъ дарами, по азіятскому обычаю, для поднесенія главнокомандующему. Когда все было готово, ханъ немедленно отправился вслѣдъ за Ртищевымъ. Догнавъ его, по дорогѣ къ Елисаветполю, ханъ представилъ подарки и простился, какъ смѣловало, съ русскимъ сардаремъ.

Этимъ смѣлымъ личнымъ поступкомъ Котляревскій остановилъ мятежъ въ странѣ, гдѣ онъ находился съ ввѣренными ему отрядами.

Вскорѣ персидскія войска начали переправляться чрезъ Араксъ. Глядя какъ они ставили свои палатки, по сую сторону рѣки, Котляревскій радовался, предвидя скорый конецъ своему томительному бездѣйствію. Вдругъ персіяне снялись и снова перешли за рѣку. Однимъ изъ главныхъ достоинствъ Котляревскаго, какъ полководца, была распорядительность и глубокое, быстрое соображеніе. Онъ, смѣливымъ умомъ своимъ, проникалъ тайные замыслы непріятеля и предугадывалъ его намеренія. Этому рѣдкому качеству онъ обязанъ былъ своими постоянными успѣхами въ предпріятіяхъ, повидимому безразсудныхъ, а на самомъ дѣлѣ всегда зрѣло обдуманыхъ. Когда Котляревскій увидалъ, что персіяне переправляются обратно за Араксъ, онъ догадался, что Аббасъ-Мирза хочетъ идти на Грузію другимъ путемъ, т. е. чрезъ Шекинское ханство, и, зорко слѣдя за дѣйствіями непріятеля, убѣдился, что его догадка подтверждалась тѣми направленіями, которыя принимали персидскіе отряды. Онъ боялся, чтобы Аббасъ-Мирза, обойдя его, не соединился съ бунтующими горцами и татарами и не произвелъ общаго возстанія подвластныхъ Россіи племенъ: тогда гибель русскихъ на Кавказѣ была бы неминуема. Отвратить ее можно было только рѣшительнымъ ударомъ, т. е. уничтоженіемъ персидскаго войска!.. Отважный до безразсудства подвигъ, на который, однако, твердо рѣшился Котляревскій, несмотря на свои маловажныя силы. Онъ увѣдомилъ генерала Ртищева, что обстоятельства вынуждаютъ его перейти за Араксъ и атаковать Аббаса-Мирзу, и хотя онъ самъ сознаетъ, что это очень трудно, но рѣшился для пользы и славы русскаго оружія. Выступая на неровный бой, Котляревскій написалъ распоряженія, на случай своей смерти, и диспозицію къ атакѣ, и, обсудивъ хладнокровно все обстоятельства, горячо приступилъ къ дѣлу. Раздался по лагерю барабанный бой; все войска скоро были въ строю и дожидались появленія генерала. Котляревскій вышелъ и, обращаясь къ солдатамъ, сказалъ: «Братцы! намъ должно идти за

Араксъ и разбить персіянъ. Ихъ на одного десять; но храбрый изъ васъ стовтъ десяти, а чѣмъ болѣе враговъ, тѣмъ славнѣе побѣда. Идемъ, братья, и разобьемъ». Солдаты и офицеры восторженно кричали ура! воодушевленные словами своего доблестнаго начальника. Отрядъ состоялъ изъ 1,500 пѣхоты и 500 конницы, при 9 орудіяхъ; персіянъ было 30,000 человекъ. Онъ выступилъ 18 октября 1812 года, и 19-го, на зарѣ, началъ перешиваться черезъ Араксъ, пятнадцатю верстами выше персидскаго лагеря. Переправа совершилась благополучно; только одно орудіе осталось въ рѣкѣ. На другой сторонѣ Аракса отрядъ сомкнулся въ каре и двинулся впередъ, пробираясь въ тылъ непріятелю: надо было сдѣлать переходъ въ 70 верстъ, чтобъ зайти со стороны Персіи.

Къ вечеру вдаль показался персидскій лагерь, широко раскинувшійся по рѣкѣ. Никто не подозрѣвалъ приближенія русскихъ; всѣ беззаботно занимались своими всодневыми дѣлами; солдаты были частью на ученьѣ, частью отдыхали; Аббасъ-Мирза бесѣдовалъ съ англійскими офицерами и съ персидскими сановниками, важно покуривая кальянъ. Увидѣвъ вдаль нашихъ конныхъ татаръ, Аббасъ-Мирза сказалъ сидѣвшему съ нимъ англійскому офицеру: «Посмотрите, какой-то ханъ ѣдетъ ко мнѣ въ гости». Англичанинъ, посмотрѣвъ въ зрительную трубу отвѣчалъ: «Нѣтъ, это же ханъ, а Котляревскій». Аббасъ-Мирза смутился, но, храбрясь, воскликнулъ: «русскіе сами лѣзутъ ко мнѣ на ножъ!» Онъ забылъ, вѣроятно, что персидскій ножъ нѣдавно уже ломался о русскій штыкъ. Никто не допускалъ возможности такого смѣлаго нападенія. Когда русскіе стали приближаться къ лагерю, персидскіе солдаты бросились бѣжать въ разные стороны, такъ что начальники едва могли удержать ихъ. Персидская конница была расположена на горѣ. Замѣтивъ эту выгодную позицію, первый свой ударъ Котляревскій устремилъ туда, и когда персидская пѣхота подошла для защиты горы, уже было поздно: гора была въ рукахъ русскихъ, а конница разбѣгана и лагерь отрѣзанъ къ Араксу. Аббасъ-Мирза съ своими войсками обошелъ гору и намѣревался отнять ее у русскихъ; Котляревскій встрѣтилъ его у подошвы горы и съ громкимъ ура! грянулъ въ штыки. Русскіе съ такимъ ожесточеніемъ бросились въ атаку, что паническій страхъ вдругъ овладѣлъ персіянами: несмотря на упоры, на увѣщанія и команду англійскихъ офицеровъ, они бросились бѣжать, въ полномъ разстройствѣ, за рѣку Даравтъ.

Весь персидскій лагерь, со всеми снарядами и снарадами, остался въ рукахъ Котляревскаго. Въ лагерьъ попали 400 тюковъ англій-

скихъ патроновъ. Но бичъ персіянъ не удовольствовался своей побѣдой: лишь совершенное истребленіе персидскаго войска могло удовлетворить его отвагу. Въ то время, какъ онъ размышлялъ о достиженіи своей цѣли, нашъ унтеръ-офицеръ, долго находившійся въ плѣну у персіянъ, принесъ на поклонъ побѣдителю персидское знамя. Котляревскій началъ спрашивать его, не знаетъ ли онъ, какъ пройти, чтобы отрѣзать отступленіе персидской арміи и не потерять ее изъ виду. Унтеръ-офицеръ вызвался быть проводникомъ и сказалъ, что Аббасъ-Мирза, собравъ всѣ свои разбѣжавшіяся войска, остановился на рѣкѣ Дарауртъ, въ Асландузскомъ укрѣпленіи, расположенномъ на горѣ.

Котляревскій немедленно отдалъ приказаніе отряду готовиться къ выступленію. Въ глухую ночь отрядъ переправился черезъ рѣку Дарауртъ и, тихо подвигаясь къ Асландузу, окружилъ его.

Восточная лѣнь и легкомысліе догубили персидское войско. Укрѣпившись въ Асландузѣ, персіяне были такъ увѣрены въ своей безопасности, что даже не разставили ни часовыхъ, ни пикетовъ. Они безопасно предавались *кейфу*, вокругъ пылающихъ костровъ, и, какъ истинные азіятцы, наслаждались отдыхомъ послѣ боя и перехода. Вдругъ пламя костровъ озарило кровавымъ свѣтомъ пылавшія яростью угрюмыя лица нашихъ солдатъ; какъ громъ надъ головами персіянъ, грянуло побѣдоносное русское «ура!», засверкали штыки и, въ мгновеніе ока, сотни труповъ пали подъ ударами ихъ. Котляревскій командовалъ «не щадить никого»; разсвирѣпѣвшіе кавказскіе львы беспощадно кололи обезумѣвшихъ отъ ужаса персіянъ, которые уже не защищались, а только, съ воплями отчаянія, молили о помилованіи. Остановить кровопролитіа не могъ даже самъ Котляревскій; онъ напрасно кричалъ: довольно! довольно! Солдаты не слышали его; упоенные побѣдою, они довершали истребленіе врага.

Никакимъ перомъ нельзя передать этой страшной ночи; вопли ужаса, стоны умирающихъ, мольбы о дарованіи жизни, торжественные крики побѣдителей потрясали воздухъ. Пылающіе костры освѣщали багровымъ свѣтомъ кровавый праздникъ русскаго войска. Оставалось на горѣ еще одно укрѣпленіе, куда бросались тѣ персіяне, которымъ посчастливилось спастись отъ штыковъ; но Котляревскій, замѣтивъ ихъ движеніе, устремился на штурмъ, и сейчасъ же овладѣлъ укрѣпленіемъ.

Аббасъ-Мирза, во время боя, бѣжалъ съ полсотнею человекъ къ Тавриау. Пять знаменъ, одиннадцать пушекъ остались трофеями побѣды. На одной изъ вѣзтыхъ пушекъ были вырѣзаны слова: «отъ

короля надъ королями шаху надъ шахами, въ даръ». Надпись показывала, что это былъ подарокъ англійскаго короля персидскому шаху. Регулярная персидская пѣхота была почти совсѣмъ истреблена: когда стали повѣрять число убитыхъ персіянъ, ихъ оказалось до 9,000; но Котляревскій показавъ въ доносѣнн своемъ лишь седьмую часть, говоря: «напрасно писать правду, не повѣрять». Успѣхъ Котляревскаго въ этомъ сѣломъ нападеніи свидѣтельствуеть, какъ молодой генералъ глубоко постигъ характеръ азіатцевъ, быстро переходящихъ отъ отваги къ робости. Неожиданное и стремительное нападеніе русскихъ, застигшихъ врасплохъ персіянъ, не дало имъ опомниться: они оробѣли до того, что даже потеряли сознание о возможности защищаться.

Разрушивъ Асландузское укрѣпленіе до основанія, Котляревскій съ своимъ отрядомъ, не потерпѣвшимъ почти никакого урона, перешелъ Араксъ и возвратился въ свой лагерь. Цѣль была достигнута: уничтоженіе персидскаго войска положило конецъ всѣмъ замысламъ Аббаса—Мирзы. Эта неслыханная побѣда распространила такой ужасъ между ханскими и татарскими владѣніями, что общій мятежъ, готовый вспыхнуть, былъ подавленъ въ своемъ основаніи. Никому и на мысль не приходило бунтовать противъ ненюбъдимой силы русскаго оружія, для котораго не существовало препятствій; страхъ и уваженіе къ русскимъ замѣнили непокорность. Невозможно описать той гордой радости, съ которой русскія войска возвращались въ Карабахъ, гдѣ ихъ встрѣтили жители, униженно преклоняясь и опуская оружіе передъ побѣдителями.

Донесеніе о побѣдѣ главнокомандующему начиналось слѣдующими словами: «Богъ, ура и штыки даровали и здѣсь побѣду Всемилостивѣйшаго Государя».

Старинъ Ртищевъ, получивъ донесеніе о побѣдѣ, читалъ его со слезами благодарности: онъ письмомъ поздравилъ Котляревскаго съ знаменитою побѣдою, сознавая вполне всю важность оказанной услуги. О томъ же, что подчиненный не исполнилъ приказанія и перешелъ Араксъ, Ртищевъ не упомянулъ ни однимъ словомъ; напротивъ, благодарность свою изливалъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, отдавая должную честь воинскому искусству и достоинствамъ побѣдителя. Котляревскій, за разсѣянiе персидскихъ силъ и за овладѣніе лагеремъ, былъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта, а за то, что отнялъ всю непріятельскую артилерію и знамена, взялъ и раззорилъ Асландузское укрѣпленіе, истребилъ персидскую армію, получилъ по статуту орденъ св. Георгія 3-й степени.

Въ то же время Ртищевъ получилъ знаки ордена св. Александра Невского; надѣвая ихъ, онъ всегда говорилъ, что обязанъ Котляревскому этою монаршею милостію.

Съ исходомъ двѣнадцатаго года, Кавказъ представлялъ болѣе отрадную картину: чума прекратилась; голодъ и неурожай сдѣлались изобиліемъ; внутреннія смуты утихли, возстанія прекратились; въ Ширванскомъ, въ Шекинскомъ, въ Карабахскомъ ханствахъ не было ни одного непріятеля; Аббасъ-Мирза смирно сидѣлъ въ глубинѣ Персіи. Въ одномъ только Талышинскомъ ханствѣ персіане укрѣпились въ Ленкоранской крѣпости, гдѣ сосредоточили свое лучшее войско. Укрѣпленіе это было построено англійскими офицерами они сдѣлали его почти неприступнымъ; кромѣ того, по дорогѣ къ Ленкорани, укрѣпили крѣпость Аркеванъ. Взятіе крѣпости Ленкорани было необходимо для русскихъ, чтобъ покончить войну съ персіанцами и удержать ихъ отъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Возвратясь изъ Тифлиса въ Карабахъ, куда Котляревскій ѣздилъ послѣ асландузской побѣды, онъ началъ готовиться къ выступленію въ Талышинское ханство, для изгнанія оттуда персіанъ.

Никогда не былъ Котляревскій такъ угрюмъ и встревоженъ, какъ предъ выступленіемъ въ эту экспедицію; какое-то тайное предчувствіе смущало его бодрый духъ и отнимало у него ту вѣру въ успѣхъ, которая всюду и всегда его сопровождала. Онъ писалъ передъ выступленіемъ въ Тифлисъ къ одному изъ своихъ сослуживцевъ: «И такъ я выступаю; эта экспедиція меня сильно тревожитъ. Прошу Бога о помощи и могу назваться слишкомъ счастливымъ, если Богъ дастъ кончить счастливо».

Отрядъ былъ въ томъ же составѣ, какъ при Асландузѣ, т. е. 1,500 пѣхоты и 500 конницы и шесть орудій. 17-го декабря 1812 года онъ выступилъ, на другой день перешелъ Араксъ и двинулся Муганскою степью. Время года не благоприятствовало походу. Надлежало пройти 80 верстъ степью, въ которой не было никакой дороги; солдаты то вязли по грудь въ болотѣ, то вьюга и снѣгъ засыпали ихъ. На пятый день, т. е. 21-го декабря, отрядъ вступилъ въ Талышинское ханство. Въ тотъ же день русскіе встрѣтили авангардъ персидскаго войска, который однако не рѣшился атаковать ихъ. Отрядъ двинулся далѣе и приблизился къ Аркеванскому укрѣпленію, которое составляло какъ бы преддверіе къ крѣпости Ленкорань. Оно было обнесено рвомъ и въ немъ находилось около 2,000 гарнизона.

Но, видно, персіане еще живо помнили асландузское побоище.

Страхъ, внушенный русскими былъ такъ великъ, что лишь только въ Арревани увидали приближеніе русскихъ солдатъ, какъ весь гарнизонъ, безъ оглядки, пустился бѣжать изъ укрѣпленія, бросивъ двѣ пушки, порохъ, оружіе и все, что тамъ находилось. Котляревскій безъ выстрѣла занялъ Арреванъ и послалъ часть отряда въ погоню за трусами; пѣхота и казаки настигли ихъ и уничтожили почти всѣхъ. Затѣмъ, оставивъ гарнизонъ въ Арревани, Котляревскій пошелъ къ Ленкорани. Тамъ, подъ командою Садыхъ-хана, находилось 4,000 лучшаго персидскаго войска.

Грозная крѣпость могла навести ужасъ на всякаго, кромѣ Котляревскаго и его неустрашимыхъ подчиненныхъ. Она была окружена болотами; ея гранитныя высокія стѣны были унизаны орудіями; валы и земляныя верки защищали ее снаружи. Но для Котляревскаго преградъ не существовало: чѣмъ труднѣе было достиженіе цѣли, тѣмъ упорнѣе онъ шелъ къ ней. Подойдя къ крѣпости, русскіе немедленно устроили батарею и, 26-го декабря, открыли канонаду. Но пальба изъ орудій не дѣлала вреда крѣпости; снаряды ввали въ земляныя стѣны, не долетая до каменныхъ. О траншеяхъ же Котляревскій не могъ думать, при малочисленности своего отряда. Снарядовъ для продолжительной блокады было недостаточно. Расчитывая на страхъ, внушаемый русскими персіанамъ, герой Асландуза написалъ всѣмъ жителямъ крѣпости, персидскимъ войскамъ и ихъ начальникамъ, прокламацію, въ которой говорилъ, что онъ присланъ съ войсками великаго въ свѣтъ императора, для изгнанія персіанъ изъ Талышинскаго ханства; что онъ непременно возьметъ крѣпость Ленкорань; что у стѣнъ крѣпости находятся всѣ русскія войска, которые были при взятіи крѣпости Мигри и при уничтоженіи Асландуза, и что если противъ побѣдоноснаго русскаго оружія не устояли Аббасъ-Мирза съ 30,000 войскомъ и цѣлая персидская армія, то гдѣ же устоятъ ленкоранскому гарнизону, какъ бы онъ ни былъ храбръ. Потомъ Котляревскій увѣдомлялъ, что укрѣпленіе Арреванъ уже въ его рукахъ, что всѣ пути заняты его войсками и что осажденные не могутъ ожидать ни откуда помощи или подвоза припасовъ и снарядовъ. Но, не желая даромъ проливать кровь, онъ предлагалъ жителямъ и гарнизону добровольно сдаться, и тѣмъ спасти свое имущество, женъ, дѣтей и свою собственную жизнь. Въ противномъ же случаѣ, писалъ Котляревскій, онъ не отступитъ отъ крѣпости, покорить ее «и тогда горе побѣжденнымъ!»

На это грозное увѣщаніе Котляревскій не получилъ никакого отвѣта. Тогда онъ рѣшился штурмовать крѣпость, зная, что не мо-

жеть продолжать блокаду, по неизбѣннѣю снарядовъ. Тяжело ему было приступить къ штурму: онъ хорошо сознавалъ, что у него не хватало для этого ни силъ, ни способовъ. Передъ штурмомъ онъ писалъ въ Ртищеву: «Мнѣ, какъ русскому, остается только побѣдить или умереть; ибо отступить значило бы посрамить честь оружія російскаго». Помолившись Богу, онъ назначилъ штурмъ крѣпости 31-го декабря 1812 года. Наканунѣ отдалъ слѣдующій приказъ, который вполне можетъ выяснитъ силу его характера, взгляда на дисциплину и на обязанности каждаго воина. Вотъ, въ подлинникѣ, этотъ приказъ, какъ образецъ увлекающаго военнаго краснорѣчія, которыми обладалъ Котляревскій.

«Исцощивъ все средства принудить непріятеля къ сдачѣ крѣпости, найдя его къ тому непреклоннымъ, не остается болѣе никакого способа покорить крѣпость сію оружію російскому, какъ только силою штурма. Рѣшаясь приступить къ сему послѣднему средству, даю знать о томъ войскамъ и считаю нужнымъ предварять всехъ офицеровъ и солдатъ, что *отступленія не будетъ*. Намъ должно или взять крѣпость, или всемъ умереть: за тѣмъ мы сюда призваны. Я предлагалъ два раза непріятелю о сдачѣ крѣпости, но онъ упорствуетъ; такъ докажемъ же ему, храбрые солдаты, что штурму русскому ничто противиться не можетъ; не такія крѣпости брали русскіе, и не у такихъ непріятелей какъ персіане: сіи противъ тѣхъ ничего не значать. Предписывается всемъ первое: послушаніе; второе: помнить, что чѣмъ скорѣе идешь на штурмъ и чѣмъ шибче лѣзешь на лѣстницы, тѣмъ менѣе уронъ взять крѣпость; опытные солдаты сіе знаютъ, а неопытные повѣряютъ; третье: не бросаться на добычу, подъ опасеніемъ смертной казни, пока совершенно не кончатся штурмъ; ибо, прежде конца дѣла, на добычѣ солдаты напрасно убиваютъ. Диспозиція штурма будетъ дана особо, а теперь остается мнѣ только сказать, что я увѣренъ въ храбрости опытныхъ офицеровъ и солдатъ Грузинскаго гренадерскаго, 17-го егерскаго и Троицкаго полковъ; а малоопытные Каспійскаго баталіона, надѣюсь, постараются показать себя въ семъ дѣлѣ и заслужить лучшую репутацію, чѣмъ доселѣ между непріятелями и чужими народами имѣють. Впрочемъ, еслибы, сверхъ всякаго ожиданія, кто струсилъ, тотъ будетъ наказанъ какъ измѣнникъ, и здѣсь, ввѣ границы, *труса разстрѣляютъ или повѣсятъ, несмотря на чинъ*».

Котляревскій составлялъ изъ своего отряда три колонны; въ пять часовъ утра онъ двинулся къ крѣпости; шли очень скоро, соблюдая жертвую тишину. Но колонны не успѣли дойти до назначенныхъ

нѣтъ мѣсть, какъ непріятель открылъ сильный огонь. Подъ градомъ пуль, русскія войска спустились въ ровъ и стали укрѣплять дѣстицы; въ это время персіяне, которые были гораздо многочисленнѣе, ждали штурмующихъ на стѣнахъ съ рогатинами, нѣжами, камнями и ручными гранатами, которыми засыпали солдатъ, работавшихъ во рву. Толпами валялись люди; подполковникъ Ушаковъ и многіе офицеры мгновенно были убиты; колонны рѣдѣли, а число непріятеля на стѣнахъ все увеличивалось. Несмотря на гибель товарищей, на упорное сопротивленіе персіянъ, солдаты укрѣпили дѣстицы и самые смѣлые первые поѣзли на стѣны.

Градъ камней и гранатъ посыпался на смѣльчаковъ; неувѣченные, убитые, они падали въ ровъ одинъ за другимъ... Солдаты замаялись... Котляревскій, видя что отрядъ гибнетъ, бросился въ ровъ и сталъ ободрять солдатъ. Онъ былъ окруженъ трупами своихъ храбрецовъ; осажденные отчаянно оборонялись. Минуту спустя, Котляревскій былъ раненъ въ ногу, но, несмотря на рану, придерживая ее рукою, бросился къ дѣстицамъ, громко крича: «Сюда! ребята впередъ! за мной!... «Ура!».... Солдаты бросились за обожаемымъ начальникомъ; но въ этотъ моментъ, у самыхъ стѣнъ крѣпости, еще двѣ пули поражаютъ неустрашимаго героя. Одна ударила ему прямо въ лицо, раздробивъ ему всю челюсть. Тутъ же онъ лишился одного глаза и безъ чувствъ упалъ въ ровъ, на груди тѣлъ своихъ боевыхъ товарищей. Но Господь утѣшалъ страдальца: въ ту минуту, какъ силы оставляли его, онъ, какъ будто въ сладкомъ снѣ, слышалъ надъ головою своею, на стѣнахъ крѣпости, громовое «ура!», крики побѣды и проклятія персіянъ. Последняя геройская команда храбраго командира воодушевила солдатъ. Они поѣзли на стѣны, хотя персіяне стрѣляли въ нихъ въ упоръ, хватаясь за дула ружей непріятеля, тѣмъ помогали себѣ взбираться на стѣны, и вскорѣ всѣ, кто не былъ убитъ или раненъ, очутились на стѣнахъ крѣпости, гдѣ начался кровавый рукопашный бой. Передъ русскими штыками персіяне, какъ всегда, не могли устоять; жесточенные солдаты не брали никакого въ плѣнъ и слова Котляревскаго сбылись — упорство осажденныхъ погубило всѣхъ: жены, дѣти, старики, всѣ падали подъ ударами штыковъ. Въ то же время майоръ князь Абхазовъ, овладѣвъ одной персидской батареей, тотчасъ оборотилъ орудія и началъ стрѣлять картечью въ средину крѣпости. Вслѣдъ за тѣмъ была взята еще одна батарея и орудія ея также повернули немедленно противъ непріятеля. Персіяне, чтобы избѣжать смерти, стали бросаться черезъ стѣну, въ рѣчку Лен-
Т. LXXVIII. Отд. I.

керань; но на рѣкѣ русскіе уже успѣли построить батарею и всѣхъ спасающихся встрѣчили картечью. Число убитыхъ непріятелей превзошло всякое вѣроятіе: въ крѣпости и на берегу найдено до 4,000 тѣлъ. Штурмъ продолжался три часа и имъ достойно законченъ 1812 годъ....

Послѣ битвы, въ грудѣ тѣлъ, отыскали виновника великой побѣды. Когда Котляревскій пришелъ въ себя, онъ былъ обрадованъ вѣстью о побѣдѣ и, доноси о штурмѣ главнокомандующему, писалъ: «Я самъ получилъ три раны, и благодарю Бога, благословившаго запечатлѣть успѣхъ дѣла сего собственною моею кровью. Надѣюсь, что сей же самый успѣхъ облегчитъ страданія мои». Трофеями побѣды были два знамени, восемь орудій, сардарская булава и все имущество, хатбы и проч. Изувѣченный герой побѣды, несмотря на тяжкія раны, не сдавалъ команды, но слѣдовалъ за отрядами, который возвратился въ Карабагъ 29-го января 1813 года. Нерадостно, однако, возвращались побѣдители. Офицеры и солдаты, пожимивъ головой, безъ рѣсень, со слезами на глазахъ, благоговѣнно шли за носилками, на которыхъ лежалъ обезображенный страдалецъ, и себѣ, и кавказскому воинству ставившіи своими побѣдами бессмертную славу.

Котляревскаго полуумертваго повезли въ Тифлисъ. Ртищевъ, въ полной парадной формѣ, сейчасъ же поѣхалъ навѣстить героя-страдальца. За взятіе Ленкоранской крѣпости, генералъ-лейтенантъ Котляревскій получалъ орденъ Св. Георгія 2-го класса, на 31-мъ году жизни; но тяжкія раны лишили Петра Степановича навсегда возможности продолжать служеніе царю и отечеству.

Славная боевая дѣятельность, въ величайшему сожалѣнію, пресѣклась слишкомъ рано; память же о его доблестяхъ и о геройскихъ подвигахъ навѣки запечатлѣна въ лѣтописяхъ Кавказа. Шахъ-Булахъ, Мигри, Ахалкалаки, Асландузъ и Ленкорань, положившіе конецъ тринадцатилѣтней войнѣ съ персіанцами, такіе *памьятники*, которыхъ не смрушатъ ни время, ни людская забывчивость. Какъ все высокое издали яснѣе и величественнѣе представляется глазамъ человека, такъ доблестныя дѣянія и безпримѣрная храбрость Петра Степановича Котляревскаго, чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе и величественнѣе выдвигаютъ его изъ среды кавказскихъ дѣятелей, упрочиваютъ за нимъ славную страницу въ исторіи кавказской войны и даютъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ великихъ полководцевъ русскаго воинства.

Тяжкія раны заставили Петра Степановича Котляревскаго сойти съ поприща славы и почестей. Послѣ того тридцать девять лѣтъ

нѣ жгль какъ мученикъ, безъ ропота перенося свои страданія. нѣ вѣкъ жизнь почти затворническую, молчаливую и однообразную, въ которой мощный духъ его омирлялся передъ силою страданій; нѣ ваваро уха у него вышло до сорока востей и все лицо было свертнуто въ правую сторону; глаза онъ лишился, какъ сказано; при пенкоранѣ, и удивительно, какъ могъ онъ прожить столь долго живымъ мертвецомъ. Выйдя въ отставку, Петръ Степановичъ купилъ, на дарованіи ему государемъ послѣ Дежневани дѣлвги, небольшое имѣніе, близъ Бахмута, село Александрово, гдѣ и поселился.

Въ 1826 году, императоръ Николай I, прибывъ въ Москву на коронаціе, вспомнилъ героя-мученика и, при слѣдующемъ рескриптѣ, пожаловалъ Котляревскаго въ генералы-отъ-инфантеріи:

Петръ Степановичъ!

«Отличное служеніе на поприщѣ военномъ и неоднократными опытами доказанное искусство и храбрость ваши, не переставали обращать на себя вниманіе въ Божѣ почитающаго Брата Моего, который, въ прискорбѣннѣ видя, что разстроенное здоровье и раны, полученныя вами на полѣ чести, были дѣйствительными препятствіями къ дальнѣйшему продолженію службы, принужденъ былъ согласиться на временное ваше отъ оной удаленіе. — Отдавая всегда должное уваженіе заслугамъ вашимъ и зная всю пользу, которую опытность и храбрость ваша могутъ принести отечеству, при возникающихъ нынѣ нерівнанныхъ дѣлахъ съ персіянами, Я льщу Себя надеждою, что время уврачевало раны ваши и успокоило отъ трудовъ, понесенныхъ вами славы російскаго оружія, и что, при настоящихъ обстоятельствахъ, вы не откажете Мнѣ вступить на то поприще, на коемъ вы одвизались съ такимъ усиліемъ. Увѣренъ, что одного имени вашего достаточно будетъ, чтобы одушевить войска, предводительствуемыя вами, устрашить врага неоднократно вами пораженнаго и дерзающаго нова нарушить тотъ миръ, которому открыли вы первый путь подвигами вашими.

«Желая, чтобы отзывъ вашъ былъ согласенъ съ Моимъ ожиданіемъ, пребываю вамъ благосклонный.»

«НИКОЛАЙ».

Въ Москвѣ.

Августа 12 дня 1826 года.

Котляревскій былъ тропуть до глубины души вниманіемъ государя императора; но головная рана, которая не позволяла ему выходить на воздухъ, заставила его отказаться отъ всемигостивѣйшаго приглашенія. Генераль Паскевичъ принялъ командованіе войсками, и

несчастный Кетляревскій лишь издали, въ глуши своего уединенія, жадно слѣдилъ за ходомъ войны, хотя душою былъ всегда на Кавказѣ, который онъ любилъ горячо и безпредѣльно и до самой смерти своей принималъ живое участіе во всемъ, что касалось до колыбели его славы. О своей боевой жизни онъ никогда не говорилъ, и если разговоръ касался прошлаго, то старался всегда переимѣнить его на другой.

Въ 1838 году, Петръ Степановичъ купилъ въ Крыму, близъ Феодосіи, на взморьѣ, прекрасную мызу, которую назвалъ *Добрый Пріютъ*. Южный климатъ имѣлъ благотворное вліяніе на его здоровье: онъ могъ выходить изъ комнаты на воздухъ, даже зимой, вставалъ съ восходомъ солнца, гулялъ много. Последнее время своей жизни старецъ провелъ тихо и покойно въ кругу своихъ близкихъ и друзей, дожилъ до 70 лѣтъ и скончался 21-го октября 1851 года. Тѣло его похоронено въ Добромъ Пріютѣ, въ саду близъ берега, гдѣ, убаюкивая мирный сонъ почившаго, мѣчно плещутъ волны Чернаго Моря.

Елизавета Соханская.